

Информационная система

'Все об электротехнике в одном месте'

В базе данных информационной системы iElectro хранится более 5 000 документов, связанных с различными областями электротехники (технические описания, инструкции, руководства, нормативные документы и т.д.).

Каждый день пользователи системы скачивают более 1 000 документов на свои компьютеры

Приглашаем организации разместить рекламу на этом уникальном пространстве

БОЛЕСЛАВ КАЗЕМИРОВИЧ БУЛЬ

Ю.С. Коробков

Московский энергетический институт (технический университет)

БОЛЕСЛАВ КАЗЕМИРОВИЧ БУЛЬ

Б.К. Буль — яркий представитель московской школы электротехников, специализировавшихся в области электромеханических систем электрических аппаратов. Он прожил большую и яркую жизнь, в которой были и радости и неприятности. Б.К. Буль родился 11 июня 1904 г. по старому стилю (или 24 июня 1904 г. по новому стилю) и прожил до 20 июня 1990 г. Как всякий человек Б.К. Буль был неоднозначный человек. Писать о нем легко и одновременно очень сложно. Проще всего было бы перечислить в хронологическом порядке основные вехи и этапы его жизни (родился — женился — защитился — умер), как это обычно делается, особенно в научных журналах как “Электричество”, “Электротехника” и т.п., когда подготавливаются номера, посвященные каким-то юбилеям того или иного представителя науки. Такое повествование, даже при всей его исчерпывающей полноте и достоверности фактов, не очень раскрывает внутренний мир человека, которому посвящена подобная публикация. Поэтому ниже будут изложе-

ны лишь отдельные факты и события из жизни Б.К. Буль, которые ярко бросались в глаза всем, кто, хотя бы один раз, имел с ним встречу, а особенно тех, кому посчастливилось на протяжении многих лет знать его, учиться у него, работать и общаться с ним, быть свидетелем многих эпизодов, событий и фактов его биографии.

Любой человек запоминается нам не как нечто абстрактное, а как совокупность некоторых черт характера, через его отношение к тем или иным событиям, через его поведение в той или иной ситуации; обычно запоминаются крайние эпизоды и факты, т.е. такие, какие мы приветствуем и одобряем и на которые мы сами отреагировали так же, окажись в подобной ситуации, или же те, которые поразили нас своей нестандартностью, экстравагантностью, помним несовпадение с нашими убеждениями и привычками. Поэтому вполне возможно, что некоторые эпизоды из жизни Б.К. Буля могут быть восприняты как негативные или даже очерняющие его. Очень бы не хотелось, чтобы именно так воспринималось излагаемое, а тем более искреннее добросердечное отношение к памяти Б.К. Буля. Кроме того, хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что Б.К. Буль был живым человеком со своими привычками, плюсами и минусами, со своими нюансами, благодаря которым он и запомнился окружавшим его людям.

Б.К. Буль был весьма трудоспособным, трудолюбивым и целеустремленным человеком.

По его словам он рано лишился родителей, и его воспитывала тетя, о которой он всегда говорил с небывалой нежностью и теплотой. Он рано начал работать. В молодые годы работал шорником. Навыки этой профессии однажды оченьгодились ему. В типографии МЭИ, располагающейся рядом с кафедрой “Электрические аппараты”, на которой работал Б.К. Буль, вышел из строя один из станков из-за обрыва приводного ремня. Работники типографии обратились за помощью на нашу кафедру, и Б.К. Буль, будучи в ранге профессора, доктора технических наук, пошел и очень быстро и надежно сшил лопнувший ремень, дав возможность типографии закончить срочный заказ.

Именно такая практическая хватка, приобретенная в ранние годы его трудовой деятельности, помогла и способствовала ему в дальнейшей его жизни. Закончив в начале 30-х годов МЭИ, Б.К. Буль остался на кафедре “Электроаппаратостроение” и очень скоро стал незаменимым помощником у основателя кафедры и бывшего в то время её заведующим акад. В.С. Кулебакина.

Вся сознательная трудовая деятельность Б.К. Буля после окончания им МЭИ, практически полностью связана с МЭИ. Здесь он защитил кандидатскую и докторскую диссертации и прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой.

У Б.К. Буля было много особенностей, а также только ему присущих привязанностей и привычек. Некоторые могут вызвать улыбку. Например, у него была характерная речь. Он очень часто употреблял слово «ОНЕ», как у А.С. Пушкина говорится в сказке о царе Салтане: «И за-

видуют оне государевой жене». В устах Болеслава Каземировича это слово звучало скорее как «АНЕ». Многие его аспиранты не с целью насмешки или глупого подхалимажа, а, скорее всего как дань уважения стали так же произносить это слово. Болеслав Каземирович каким-то странным образом в разговорах с собеседниками умудрялся в одном предложении несколько раз сказать слова «ДА» и «НЕТ». Со стороны, если не прислушиваться к тексту, можно было слышать лишь: «да — да — да — да, да — да — да — да, нет — нет — нет, нет — нет — нет». В завершении Болеслав Каземирович произносил свои коронные слова: «Точно совершенно». Не совершенно точно, а именно «точно совершенно». Очень часто из его уст можно было слышать «Так не полагается».

Приведенные высказывания никогда и никак не сказывались на положительном отношении окружающих к Б.К. Булю.

Когда-то ныне покойный декан электромеханического факультета проф. Н.К. Астахов заметил, что жизнь стала какая-то серая, все сравнялись, все стали одинаково поступать, говорить и делать, шутки и странности стали одинаково серыми даже среди профессоров. Далее он добавлял, что раньше профессора были все по-своему своеобразными, непохожими друг на друга: один снимал галоши, входя в трамвай или троллейбус, второй, после того как тряпкой стер с доски все написанной сморкался в неё, оставляя на лице белое пятно, и клал тряпку в карман. Спустя некоторое время, он в течение нескольких минут старательно всюду искал пропавшую тряпку и сильно удивлялся, когда по подсказке студентов находил её у себя в кармане. Третий посреди лекции вдруг уходил в задумчивости из аудитории, выходил на улицу и бродил вокруг здания института, обдумывая какую-то интересную мысль или идею, внезапно пришедшую ему в голову.

О Б.К. Буле нельзя было сказать, что он потерял свою самобытность и стал как все. Он твердо сохранял свои привычки.

Читая расчетно-пояснительные записки по курсовым и дипломным проектам у своих студентов, материалы диссертации у своих аспирантов и подготовленные главы отчетов и статей у своих сотрудников, Б.К. Буль не скупился на замечания. Он нумеровал сквозной нумерацией многочисленные, порой малозначащие, замечания и выдавал список замечаний автору работы.

Некоторые из авторов, особенно студенты, считая замечания малозначащими, стирали их на полях рукописи, не пытаясь, что-либо исправить. Их неблагоприятные поступки быстро раскрывались: студенты не знали, что Болеслав Каземирович писал свои замечания под копирку. Просматривая вторично «переработанную» рукопись, он быстро обнаруживал, что его замечания игнорируются. Доверие к такому человеку у Болеслава Каземировича быстро пропадало.

Зная о такой особенности Б.К. Буля, аспиранты предупреждали своих последователей и студентов, что от них требуется исключительная пунктуальность и честность.

Свои замечания Б.К. Буль любил делать на обороте синьки. Сейчас это слово почти забылось и вышло из употребления. Люди же старшего поколения помнят, что синька — это не только средство, используемое хозяйками при стирке белых тканей для придания им большей белизны, а специальная бумага, которая, будучи засвеченной и обработанной в парах аммиака, приобретала синий цвет. С помощью такой бумаги размножались, копировались чертежи. Разработанный чертеж переносился тушью на кальку, кальку подкладывали на синьку и подвергали засветке. После обработки аммиаком вся бумага почти целиком синела. Белыми оставались лишь те места, на которые не попал свет из-за черных линий туши на кальке. Синька широко использовалась лет 60—70 тому назад. В 60—70 годы прошлого столетия появилась другая бумага для размножения чертежей. Эта бумага после обработки приобретала розовый цвет, а линии чертежа становились ярко коричневыми. Такая бумага в быту, среди конструкторов, инженеров и научных работников, по-прежнему называлась синькой.

Так вот Болеслав Каземирович делал свои замечания на обороте чертежей, выполненных именно на синей синьке. Это всегда умиляло его аспирантов. Они не могли понять, где же он берет такие чертежи. Если же он их сохранил с незапамятных времен, то с какой целью, неужели только для того, чтобы делать на них замечания, сколько же нужно было иметь места для хранения старых чертежей на синьке.

Нужно заметить, что Болеслав Каземирович очень трепетно относился к любым клочкам бумаги, всегда пытался использовать их для своих записей и пометок. Его портфель всегда был набит исписанными клочками бумаги разного формата и цвета.

Второй особенностью замечаний Б.К. Буля, как уже отмечалось, была излишняя детализация и многократное повторение одного и того же замечания, причем складывалось впечатление, что он специально подшучивает над автором, заставляя его вновь и вновь пересматривать ворох обрывков из синек. Вот один из примеров.

Группа аспирантов и студентов готовила очередной отчет о проделанной работе. Сроки, как всегда, поджимали, и приходилось много работать по ночам. Все люди разные. Большинству нравится углубленно работать в полнейшей тишине. Ночь для этого самое подходящее время. Я же имел склонность работать под звуки магнитофона или радио. Иногда, чтобы не забыть название и автора понравившегося произведения, прозвучавшего по радио, а также для возможности заказать повторное исполнение этого произведения, я для себя на обороте листков рукописи отчета делал некоторые пометки типа: 17.10.71, 03⁰⁵, «Маяк», вальсы из произведений К.-М. Цирера, К. Целлера, К. Миллёкера, Й. Ланнера, Ф.ф Зуппе и Э. Вальдтойфеля. Подготовив свой раздел, я отдал его на проверку Б.К. Булю. Он, как всегда, сделал громадное количество замечаний, среди которых были и такие: «№ 17. Ю.С., в 3 часа ночи нужно спать, а не слушать вальсы К.-М. Цирера и К. Целлера!»

Далее шли более существенные или малозначительные замечания технического плана, указания на переработку или доработку тех или иных вопросов. И вдруг под номером 46 значится: «см. замечание № 17». Ты ищешь уже давно прошедший номер, наконец, находишь его среди обрывков синьки и с изумлением вновь читаешь, что в 3 часа ночи нужно спать. Потом опять идут различные замечания и среди них под номером 74 значится; «см. замечание № 46!!!». Опять приходится переключать все листочки, чтобы найти замечание № 46, а от него перейти к поиску замечания № 17. После этого ты вновь узнаешь, что в 3 часа ночи нужно непременно спать.

Анализируя минувшие события, трудно отделаться от мысли, что взаимоотношение между аспирантами и их руководителями (а в общем случае между учениками и учителями) очень напоминают или дублируют взаимоотношения между детьми и их родителями. Учителя и родители никогда и ни от кого не получают таких больших и таких непростительно обидных и горьких выпадов как от своих учеников и детей.

Для учеников на первых порах руководитель — непререкаемый авторитет, все его дела и поступки — пример для подражания. Тут ученики во всем согласны и солидарны со своим учителем, но проходит какое-то время, ученики взрослеют, защищают диссертации и уже не всегда и не во всем согласны со своим учителем. Постепенно они набираются храбрости даже стать оппонентами (по большому счету изменниками, предателями своего учителя и наставника). Когда же учитель навсегда уходит, тогда ученики становятся биографами, “вспоминателями”, “оплакивателями” давно минувших дней и своего учителя. Это очень грустно, но любые воспоминания — есть разновидность глубочайшей дани уважения к своему учителю.

Аспиранты Б.К. Буля, испытывая чрезмерное уважение к нему, между собой звали его кратко: «Б.К.», что звучало примерно, как «*Быка*». Такое произношение отражало две стороны:

1. Б.К. Буль по национальности был латыш из маленького местечка Лудза, и как он сам говорил фамилию Буль (исходная Булис) можно перевести, как бык или бычок.

2. Болеслав Каземирович любил наставлять своих учеников, что доклад нужно делать (или писать отчеты, статьи или рецензии) начиная с небольшого вступления, а «не брать сразу *быка* за рога». В некоторых случаях он говорил явно наоборот: «Что Вы описываете явления, начиная от Адама и Евы? Нужно сразу брать *быка* за рога! Оппоненту или рецензенту некогда и не зачем читать Ваши распространенные введения».

Болеслав Каземирович уделял очень большое внимание стилю, грамматике и оформлению рукописей.

Болеслав Каземирович любил наставлять:

«Писать текст нужно очень подробно, чтобы читатель, даже не видя чертежа или рисунка, мог сообразить, что на них изображено, а иллюстрации должны быть подготовлены так, что, не

читая основного текста, можно было представить, что же там написано. Только в этом случае появляется маленькая вероятность, что Вас правильно поймут.

Используйте простые слова и фразы. Стройте фразы так, чтобы они были взаимосвязаны, не бросайтесь из стороны в сторону, следите, чтобы второе предложение логически вытекало из первого.

Избегайте распространенных предложений; постарайтесь обходиться без причастных оборотов и вводных предложений». В подтверждение своих мыслей Болеслав Каземирович любил ссылаться на популярные и весьма поучительные книги:

Физики шутят / Конобеев Ю., Павлинчук В., Работнов Н., Турчин В. М.: Мир, 1966.

Физики продолжают шутить / Конобеев Ю., Павлинчук В., Работнов Н., Турчин В. М.: Мир, 1968, цитируя оттуда следующие предложения:

Предложение первое. Пока скорость течения остается на среднем уровне — ниже, чем в адиабатическом случае для сухого воздуха, и выше, чем в адиабатическом случае для воздуха, насыщенного водяными парами, мы легко можем представить себе, что изолированная воздушная масса, которая насыщается до абсолютной влажности при температуре, несколько превышающей температуру окружающего воздуха, окажется в состоянии начать восходящее движение, поскольку при постулированных условиях её температура на любой достигнутой высоте будет выше, чем температура окружающего воздуха.

Второе предложение. Однако противоположный процесс — нисходящее течение — понять не так легко.

После этого он, довольный произведенным эффектом, посмеиваясь, удалялся.

Он очень не любил, когда кто-нибудь для краткости в заголовках использовал аббревиатуру: МУК, МК, МГК. Он начинал допытываться: «Что это за «муки» какие-то? МК — это что: московский комитет? А МГК — московский городской комитет?» В этих случаях он рекомендовал вместо МУК и МК — магнитоуправляемый контакт; МГК — магнитоуправляемый герметизированный контакт использовать словосочетание герметизированные контакты (или *герконы*). Сам Б.К. Буль был очень аккуратен, писал очень красиво и разборчиво, рисунки делал изумительно. Аспиранты так и говорили, что «наш Б.К. не просто профессор, а академик по оформлению рукописей».

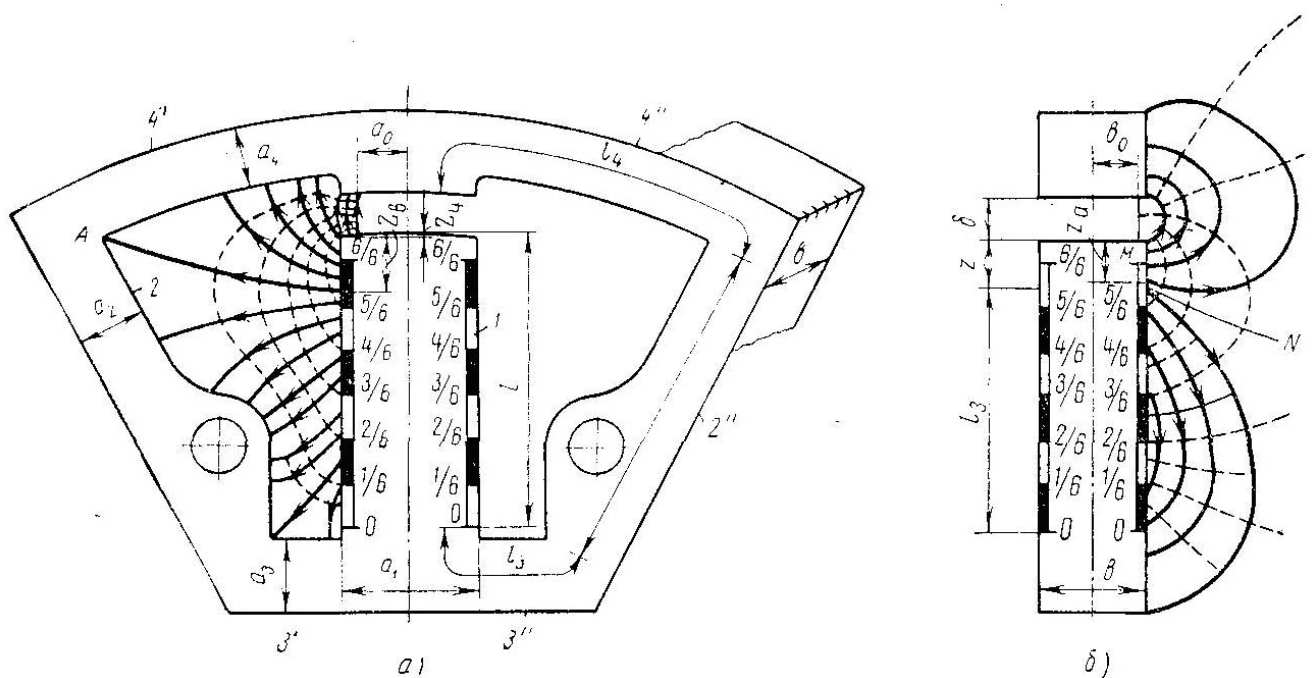
Занимаясь научной работой, Болеслав Каземирович большое внимание уделял методам расчета электрических аппаратов, особенно методам расчёта магнитных проводимостей. Он так и говорил: «Дайте нам магнитные проводимости и мы рассчитаем любой электрический аппарат». В своей деятельности он развил графический метод расчета магнитных проводимостей, предложенный в начале прошлого века Леманом и Рихтером для расчета двухмерных магнитных полей в электрических машинах, распространив его и для расчета сложных трехмерных маг-

нитных полей в электрических аппаратах. Сущность метода заключалась в построении картин магнитного поля. Для построения таких картин необходимо было соблюдать целый ряд положений и требований, а главное быть внимательным и весьма терпеливым, добиваясь ортогональности линий индукций и эквипотенциалей при сохранении равенства средней длины и средней ширины образованных ими криволинейных “квадратов”. Из-за утомительности при отсутствии определенной сноровки этот метод расчета очень не нравился студентам и поэтому указанный метод они называли “Булькина грамота”. Сам же Болеслав Каземирович в построении картин магнитного поля весьма преуспел. Он строил их очень четко, быстро и красиво.

Для примера на рисунке приведена построенная собственноручно Б.К. Булем картина магнитного поля для магнитной системы индуктивного датчика. Желаям предлагается самостоятельно нарисовать такую картину поля и сравнить с тем, что построил Болеслав Каземирович. Он превосходно рисовал. Особенно поражала его манера изображения рисунка на доске в аудитории перед студентами. Он ходил между рядами в аудитории, излагал текст лекции, периодически он подходил к доске и проводил в разных местах на ней какие-то никак не связанные и не соприкасаемые горизонтальные и вертикальные линии разной длины. Через некоторое время все эти линии каким-то чудесным образом оказывались на своём месте, именно нужной длины и непостижимо как точно соединенными между собой в один цельный, хорошо построенный рисунок. Это очень удивляло присутствующих, а некоторых даже несколько раздражало, так как студенты никак не могли приспособиться к такой манере рисования и вынуждены были ждать пока на доске не появится окончательный рисунок.

Только тогда они могли приступить к его рисованию. На это уходило значительное время, а Болеслав Каземирович уже начинал излагать новые мысли. Чтобы их записать, необходимо было оторваться от изображения рисунка. Приходилось метаться между записями и рисунком.

Всем своим аспирантам, а особенно студентам, которые у него выполняли курсовой или дипломный проект, Болеслав Каземирович непременно рекомендовал использовать метод расчета магнитной проводимости по картинкам поля.

Картина поля магнитной системы датчика угла:
а- поле во фронтальной проекции; б- поле с грани в

Студентов для курсового и дипломного проектирования Б.К. Буль очень тщательно отбирал, он примеривался к ним, начиная с 3 года обучения. Еще не видя самих студентов, он выстраивал о них своё мнение. Для этого он сразу же после весенней сессии второго курса приходил в деканат и просматривал все экзаменационные оценки каждого из студентов за весь период обучения в институте. Отобрав наиболее сильных студентов, он в начале четвёртого курса приглашал их к себе для выполнения учебно-исследовательских работ (УИР) и курсового проектирования. Нередко эти задания совмещались. Во время курсового проектирования нужно было что-то рассчитать и спроектировать, а на УИР собрать и опробовать, а затем сравнить результаты расчета с экспериментом. Это очень нравилось и увлекало студентов.

Материалом для тем курсовых и дипломных проектов служили оригинальные принципиальные схемы и конструкции, взятые из журнальных статей, авторских свидетельств и патентов. Для поиска подобных оригинальных тем Б.К. Буль использовал студентов старших курсов.

Он их направлял в Государственную публичную научно-техническую библиотеку (ГПНТБ), которую он почему-то называл очень кратко «ГНБ», и во Всесоюзный научно-исследовательский институт патентной экспертизы (ВНИИППЭ). Там он просил студентов просматривать свежие материалы и по возможности делать ксерокопии с заинтересовавших статей и авторских свидетельств.

Нужно заметить, что Болеслав Каземирович был очень экономным человеком. Тем не менее, он оплачивал студентам поездки в ГПНТБ и ВНИИППЭ и стоимость ксерокопий, которые

он называл как-то очень невнятно, очень близко по звучанию к «сферокопии». Вообще ряд слов Болеслав Каземирович произносил не совсем точно или в лучшем случае не очень внятно. Слово мембрана в его устах звучало как нечто среднее между мембрана и мембрама.

Очень часто в качестве темы курсового или дипломного проекта Б.К. Буль предлагал рассмотреть уже готовое, «живое» реле или другой электрический аппарат, выпускаемый промышленностью. В задачу входило:

- обмерить реле или другой аппарат;
- произвести детальный расчет готового аппарата и сравнить результаты расчета с имеющимися параметрами и характеристиками «живого» аппарата;
- найти слабые места в имеющейся конструкции и наметить пути и меры по её усовершенствованию.

Такие темы также нравились студентам.

Болеслав Каземирович очень тепло относился к своим подопечным студентам, но не менее внимательно он относился и к другим студентам; чувствовалось, что студенты уважают и одновременно побаиваются его, особенно на экзаменах, хотя за всю свою жизнь Б.К. Буль на экзаменах поставил студентам всего две двойки: одну в 1941 году, а вторую — в 1976 г. Поэтому поводу среди преподавателей кафедры до 1976 г. ходил такой анекдот:

- Ты знаешь почему началась война в 1941 году?
- Да. Потому, что Б.К. Буль поставил студенту двойку на экзаменах.

Вторую поставленную им двойку он объяснял следующим образом: «Пришел студент, взял билет, сел готовиться. Сидел очень долго, чуть ли не первый пришел и одним из последних ушел. Подошел ко мне, сел рядом, а я смотрю у него пустые листы, ничего нет. Я его спрашиваю по первому вопросу, он ничего ответить не может. Я его по второму вопросу спрашиваю — результат тот же. Я его спрашиваю ходил ли он на лекции, есть ли у него конспект; отвечает, что есть. Я попросил принести конспект и стал выборочно спрашивать по записям в конспекте, что ни спрошу он ничего не знает, а лишь с жадностью читает. Я побился, побился и вынужден был поставить 2 балла».

Б.К. Буль очень активно привлекал своих аспирантов к учебному процессу, кому-то, поручая проведение упражнений по курсу, другому — проведение лабораторных работ, третьим предлагалось подготовить какой-то раздел курса и прочитать его студентам в присутствии лектора. Аспирантам, проводившим лабораторные работы. Болеслав Каземирович давал наказ: «Если студент не подготовлен или что-то упустил и плохо знает, ни в коем случае не прогоняйте его. Если Вы прогоните его, то этим самым Вы не поможете студенту и не накажете его. Он обрадуется, что его выгнали: он днём пойдёт в кино за 20 копеек. Лучше посадите неподготовленного студента рядом с собой, пусть сидит и слушает что говорят его приятели, пусть нама-

тывает на ус, хоть что-то у него останется в голове, и в следующий раз он более успешно защитится”.

Некоторых своих аспирантов он просил прокурировать студентов-дипломников, существу возлагая на этих аспирантов роль консультантов. Положившись полностью на них, Болеслав Каземирович полностью забывал о дипломниках. Были случаи, когда студенты-дипломники подбегали к Б.К. Булю буквально за несколько минут до защиты и просили расписаться его как руководителя на титульном листе. Болеслав Каземирович изумленно смотрел на них, спрашивая: “А такой-то аспирант читал?”. Получив утвердительный ответ, он бегло просматривал записку, проводил большим пальцем по выскальзывающим страницам и мечтательно произносил: “Эх, почитать бы!”. После этого он ставил свою подпись, а довольный студент убегал накалывать свои чертежи перед членами комиссии.

У Б.К. Буля было много интересных особенностей: он довольно-таки быстро в общении со студентами и аспирантами переходил на «ты». Он говорил, что это сокращает дистанцию между руководителем и подопечными. Он был исключительно спокоен, выдержан и корректен. О его олимпийском спокойствии складывались легенды. Говорили, что, если подойти к Б.К. Булю и сказать, что стул, на котором он сидит, через минуту взорвется, он даже не поведет ухом, а останется в прежней позе сидеть на стуле. Он никак не реагировал и спокойно откликался, если к нему обращались «Болеслав Каземирович» или «Казимир Болеславович». В ответ можно было услышать: “Да-да, слушаю”.

Вывести Болеслава Каземировича из себя было практически невозможно. Мне довелось лишь один раз быть свидетелем, когда Б.К. Буль был выведен из равновесия: он ушел домой не попрощавшись.

В общем, со своими подчиненными он был учтив, предупредителен и предельно корректен. Он никогда не делал замечания в присутствии третьих лиц, причем свои замечания он облачал в легкую, почти шутивную форму.

В научной группе, руководимой Болеславом Каземировичем, вешалка располагалась вблизи от электрического щита с мощными рукоятками рубильников. Осенью и зимой сотрудникам, отлучившимся по делам службы, приходилось очень часто одеваться и раздеваться. В этот момент нередко наблюдалось падение близлежащих шапок на пол. Мне это не нравилось, и я с некоторого времени стал размещать свою шапку на рукоятке одного из включенного рубильника. Б.К. Буль заметил это, отозвал меня в сторону и спросил: “Ты сдавал экзамен по технике безопасности?”. Не чувствуя подвоха, я ответил, что за последние полгода сдавал технику безопасности 2 раза. “На сколько сдал?”, — поинтересовался Болеслав Каземирович. Я сказал, что в первый раз сдал ан отлично, а второй раз — на хорошо. “Ну, вот видишь,— добавил Б.К. Буль — стало быть, ты неплохо знаешь технику безопасности. Тогда не понятно, почему ты вешаешь

свою шапку на рукоятку рубильника. Так не полагается!” Последняя фраза была очень любима и часто произносима Болеславом Каземировичем.

В своём коллективе он умел погасить недовольство и ссоры. Коллектив работал слажено и дружно, хотя бывали какие-то недовольства друг другом, что наблюдается в каждом большом коллективе. Группа Б.К. Буля доходила до 18 человек. Известно, что иногда некоторые из сотрудников приходили к Болеславу Каземировичу с жалобами и обидами на другого. В таких случаях он замечал: “Не вижу того, о ком ты говоришь. Позови его и выскажи все, что ты мне сказал, в его присутствии”. Это быстро успокаивало и остужало горячие головы, способствуя нормализации отношений в группе.

В таких случаях, когда к Б.К. Булю приходили люди со стороны. Например, по вопросам трудоустройства или получения каких-либо технических консультаций и предложений, он, задав 2-3 казалось бы бессмысленных вопроса, каким-то непостижимым образом делал заключение о статусе пришедшего. Например, задав одному из таких посетителей следующие вопросы:

1. Любите ли вы собак?

2. Сколько вам лет?

3. Умеете ли печатать на машинке? (В настоящее время почти все соприкасаются с ЭВМ, почти все великолепно набирают текст, а в 70 годы прошлого столетия это умели делать не все), он заявил: “Вы — молодой инженер и хотите устроиться к нам на работу”. После этого беседа пошла в определенном русле.

Обычно обо всех своих посетителях Б.К. Буль делал запись в специально приготовленной большой общей тетради, где указывались имя, отчество, фамилия, адрес, телефон, дата рождения, место работы (или последней работы), имя, отчество и фамилия руководителя или директора организации, её название и адрес, телефон директора, цель прихода, какие даны советы и рекомендации. В конце года, когда подводились итоги работы сотрудников за год, все мучительно вспоминали, кто и что сделал, а Б.К. Буль спокойно отвечал на подобные вопросы, оказываясь непременно с большим отрывом впереди всех остальных. Порой складывалось впечатление, что только он один и работал на кафедре.

Приведенный эпизод лишний раз подчеркивает насколько аккуратен и педантичен был Болеслав Каземирович. Он никогда не ленился взять ручку и все записать. Судя по всему, он строго следовал испанской поговорке, которая гласит, что все люди делятся на две группы, первые внимательно слушают и пытаются все запомнить, а умные все записывают.

Вообще Б.К. Буль всё любил доводить до конца. Своим студентам и аспирантам он говорил, что нельзя начатую работу бросать в урну. Нужно по итогам работы подготовить заявку на предлагаемое авторское свидетельство или написать статью в какой-нибудь технический журнал. Окидывая взглядом время, проведенное рядом с Б.К. Булем, можно твердо заявить, что по

своей природе он был наставником с большой буквы. Он любил не поучать, а помогать, советовать, передавать свой богатый опыт и знания окружающим, начиная от студентов и аспирантов и кончая друзьями и маститыми сотрудниками кафедры, причем ко всем он относился одинаково ровно.

Припоминается такой случай. В субботу, 12 июня 1965 г., на следующий день после защиты дипломного проекта, я по каким-то делам оказался возле института (в то время в институте была шестидневная рабочая неделя). Скорее всего, я с обходным листом ходил из одного корпуса в другой, собирая необходимые подписи. Вдруг я услышал окрик: “Инженер Коробков! Инженер Коробков!”. Я удивился: “Кому это адресовано? Меня ли это окликают? А если меня, то кто же может так обращаться ко мне?”. Смотрю по сторонам и вижу, что через дорогу ко мне бежит (не спешит или идет быстрым шагом, а именно бежит) сам Б.К. Буль. Подбежал и говорит: “Юрий Сергеевич! Ты обратил внимание на то, как я тебе кричал? Не просто “Юрий” или “Коробков”, а специально “инженер Коробков”. Ты вчера защитился, а я тебя сегодня уже называю “инженер Коробков”. В этом был весь Б.К. Буль, простой и доступный, добродушный и непосредственный, умеющий радоваться вместе с другими, не устанавливающий дистанции между собой и своими учениками.

Спустя некоторое время, когда я, успев поработать на заводе, стал его аспирантом, он обратил внимание на то, что волосы на моей голове седеют и резко редуют. Он подошёл ко мне и заявил: “Ты что: хочешь перегнать меня? Так не полагается”. Я сначала не понял в чем дело. Видя моё недоумение он пояснил свою мысль, обратив внимание на то, что у него очень густая черная шевелюра, и поинтересовался рано ли поседели мои родители и был ли лысым отец. Я ответил, что родители под старость поседели, но отец не был лысым. На это Болеслав Каземирович поведал мне следующую историю. Он сказал, что до 20 лет был жгуче рыжим, и волосы у него были прямые и редкие. В 20 лет он внезапно и поразительно быстро полностью полысел. Но голове не осталось ни одного волоска, голова стала круглая, как бильярдный шар. “Я, — говорит Болеслав Каземирович, — бегом побежал к врачу и стал просить какого-нибудь лекарства, чтобы изменить сложившуюся ситуацию”. Выждав небольшую паузу, он продолжил и сказал, что врач, выслушав и осмотрев его, сокрушенно заметил: “Молодой человек! В этом деле медицина пока бессильна. Пока нет никаких лекарств, и нет такого врача, кто бы взялся Вас вылечить. Единственный врач — это солнце. Оно помогает нам от всех недугов. Если оно вылечит Вас, я буду очень рад, но для этого с этой минуты Вы должны отказаться от всех головных уборов”. Далее Б.К. Буль продолжал: “Я так и сделал и вскоре почувствовал, что у меня на голове начинает пробиваться пушок. Каково же было моё изумление, когда я в зеркало увидел, что у меня начинают расти густые, очень черные, волнистые волосы”. Насколько я помню Б.К. Буля, у него всегда была очень черная и очень густая копна волос на голове. Посмотрев еще раз

на меня, Болеслав Каземирович продолжил: “Ты обратил внимание, что я всегда хожу без головного убора? Исключение составляют только очень морозные дни. Тогда я надеваю шляпу. Советую и тебе ходить без головного убора, особенно летом. Я знаю, что ты очень любишь летом ездить в Судак. Постарайся там в любой день подставлять голову под солнце. Может быть, поможет и тебе”. Я поблагодарил Б.К. Буля, и со следующего лета при любой жаре и яркости солнца стал ходить без головного убора, стал светить навстречу солнцу, как оно светит мне на лысину, но кудрявым не стал. Видимо солнце действует на людей избирательно, Б.К. Булю помогло, а другим — нет.

В молодости Б.К. Буль очень увлекался физкультурой, занимался различными видами спорта. Он играл в волейбол, теннис, бадминтон, бегал и прыгал, очень увлекался футболом, эту любовь к спорту он сохранил до конца своей жизни. Он был ярым болельщиком, болел за “Спартак”. Ездил на встречи “Спартак” по футболу и хоккею. Он всегда говорил, что это мощная разрядка, даже когда любимая команда проигрывает. Конечно, он расстраивался в такие дни, но изменить своим привычкам никак не мог. С течением времени он не стал всюду успевать лично участвовать, даже на встречах ветеранов. Для того, чтобы как-то поддерживать себя во здравии и бодрости, он много ходил. Он начал ходить пешком из дома на работу и с работы домой. Жил он в ту пору в Уланском переулке, так что он дважды в день проходил по маршруту 24 троллейбуса. Он купил шагомер, который иногда называл «шагометр», и следил, чтобы в день совершить не менее 10000 шагов. Очень часто его домой провожали студенты и аспиранты, особенно В.Н. Шоффа.

В середине 60-х годов прошлого века Б.К. Буль встретил своего товарища по игре в волейбол: акад. В.А. Кириллина, который в то время возглавлял государственный комитет СССР по науке и технике. В.А. Кириллин предложил Б.К. Булю возглавить создаваемую научную группу по исследованию магнитоуправляемых герметизированных контактов (герконов). Болеслав Каземирович дал своё принципиальное согласие, и в 1966 г. на кафедре “Электрические аппараты” МЭИ была создана научно-исследовательская лаборатория по исследованию герконов. Возглавил её, естественно, Б.К. Буль. Основой её были ведущие инженеры кафедры электрических аппаратов. Скоро в неё влились аспиранты Болеслава Каземировича, и работа закипела. Средний возраст членов группы, с учетом прожитых лет Б.К. Булем, не превосходил 37 лет. Многие из инженеров вскоре оказались аспирантами заочного обучения у Б.К. Буля. Группа оказалась дружной и сплочённой. Болеслав Каземирович умело руководил ею, намечая темы диссертационных работ и направлений исследований.

Очень скоро группа заняла одно из ведущих мест по разработке и исследованию герконов не только в МЭИ и в СССР, но и в мировом масштабе. Сотрудниками группы было получено

большое количество авторских свидетельств, несколько патентов в США, Японии, ФРГ и др. странах.

Конструкции, предложенные сотрудниками группы, оказались весьма удачными и очень скоро были освоены нашей промышленностью. Некоторые конструкции по своим параметрам остаются лучшими в мире до сих пор. С группой стали считаться и начали сотрудничать многие промышленные объединения.

В октябре 1972 г. группа в полном составе отправилась в Рязань, где проводилось Всесоюзное совещание по магнитоуправляемым контактам. В автобусе, в Рязани, пока ехали от вокзала до конференцзала узнали о кончине выдающегося авиаконструктора И.И. Сикорского. Это сообщение как-то сразу подействовало на всех членов группы.

Добравшись до конференцзала, группа, не сговариваясь, разместилась в верхних рядах слева, если смотреть из зала на трибуну. Вел конференцию Б.К. Буль. Очень скоро стало заметно, что выходявшие к трибуне докладчики во время своего выступления постоянно поглядывают в правую от себя сторону. Во время перерыва на обед при беседах с выступавшими докладчиками выяснилась причина их столь странного поведения. Оказалось, что таким путем они наблюдали за поведением самой многочисленной группы, т.е. на участников, прибывших из МЭИ. При любых оговорках или не очень точном представлении результатов докладчиками группа начинала шушукаться и гудеть, как пчелы в улье. Почти все доклады других выступающих в той или иной мере перекликались с работами и результатами, ранее полученными членами группы Б.К. Буля. Поэтому после каждого доклада члены группы очень активно участвовали в обсуждении доложенных результатов. Это и заставило докладчиков побаиваться членов группы Болеслава Каземировича.

Конференция продолжалась 7 дней. Устроители конференции запланировали ежедневное послеобеденное посещение всеми делегатами конференции научных центров и предприятий, связанных с производством герконов.

С первого же дня сотрудники этих заведений обступали Б.К. Буля и с какой-то гордостью и радостью рассказывали ему об обнаруженных ими при исследовании герконов интересных фактах. Болеслав Каземирович, выслушав их, тут же давал объяснение этим “загадочным” явлениям и фактам. Чем больше он пояснял происходящее в герконах, тем проникновеннее становились дружеские беседы, тем более охотно собравшиеся делились своими наблюдениями с ним. Очень часто ответы Б.К. Буля приводили их в восторг: как это так быстро можно разобратся во всем происходящем и найти исчерпывающий ответ. Некоторые из окружавших Б.К. Буля производственников, не удержавшись, стали расспрашивать его как это он быстро находит ответы на сложные по их понятиям факты. Болеслав Каземирович говорил, что это всё электромагнетизм — наука о явлениях в электромагнитных полях.

Перед самым закрытием конференции один из самых активных и постоянных участников бесед с Б.К. Булем сказал: “Какой интересный и важный раздел – электромагнетизм, жаль, что мы на него мало обращали внимания. Нужно, в конце концов, выкроить время, освободится на недельку и выучить весь электромагнетизм”. Болеслав Каземирович улыбнулся и даже мягко рассмеялся, заметив говорившему: “Я уже 30 лет занимаюсь электромагнетизмом и всё никак не могу его выучить, а Вы собираетесь сделать это за неделю”.

В последний день, перед самым отъездом в Москву, один из аспирантов Б.К. Буля, прогуливаясь по Рязани, купил песенник с русскими народными песнями. Как потом оказалось, он купил последний экземпляр. Поезд на Москву уходил поздно ночью, около 12 часов ночи. Все собрались в номере Болеслава Каземировича. Присутствовали и работники промышленности, особенно те, кто задавал много вопросов Б.К. Булю. Делать было нечего и кому-то в голову пришла хорошая мысль: “А почему бы нам не скоротать время и не попеть русские народные песни?”. Сказано — сделано. Все сгрудились вокруг Б.К. Буля и начали петь “Что затуманилась, зоренка ясная?”, “Хазбулат удалой”, “Шумел камыш”, “Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке” и т.п. Очень скоро распелись, хотя все были трезвыми. До этого лишь попили чай в номере у Б.К. Буля. Он мог себе позволить выпить немного пива, маленькую рюмочку, максимум две, хорошего вина, но не больше. Крепких напитков вообще не употреблял. Очень отрицательно относился к застольям с выпивкой. Поэтому в этот день все были абсолютно трезвыми, но пели с такой упоением и так азартно да такие застольные песни, что кто-то из соседнего номера подумал, что здесь собралась пьяная компания. Этот сосед пожаловался администрации гостиницы, напугав её тем, что пьяная компания сейчас разнесет номер.

При исполнении очередной песни неожиданно, с шумом, резко распахнулась дверь номера Б.К. Буля, и в проеме двери показался удивленный администратор и несколько человек, проживавших рядом с номером Болеслава Каземировича. Нужно было видеть их лица. Их изумлению и удивлению не было конца. За чистым столом, на котором кроме песенника, ничего нет, вокруг солидного и представительного мужчины расположились другие явно непьющие и спокойные молодые люди и люди среднего поколения и все мирно поют, часы показывали 22⁰⁰. Администратор посмотрел на часы и, извиняясь, сказал: “Извините, товарищи, произошла досадная ошибка, но всё же я попрошу Вас закончить Ваше песнопение к 23 часам”. Все охотно согласились, и через несколько минут прекратили петь, разошлись по своим номерам и начали собирать и укладывать чемоданы и дорожные сумки.

Отмеченная выше трезвость Б.К. Буля иногда приводила к некоторым казусам. В середине 70-х годов, кажется в 1976 г., Болеслав Каземирович отправился в турпоездку по Финляндии. В Финляндии всегда действовал сухой закон, спиртное очень дорого, туристов угощали, в основном пивом, да и то не очень часто. Б.К. Буль, равнодушный к подобного рода напиткам, отдавал

свою порцию кому-нибудь из окружавших его спутников. В один из дней группу туристов повезли в финскую сауну. В предбаннике на столе поставили бутылки с пивом, строго по числу туристов. Каждый, выходя из самой сауны в предбанник, перед одеванием или уже одевшись, выпивал причитающуюся ему бутылочку пива. Вскоре обнаружилось, что на столе стоит нетронутая бутылка. Зная особенность Болеслава Каземировича, один из присутствующих обратился к нему: “Болеслав Каземирович! Вы не будете возражать, не будете против, если мы разопьём эту бутылочку пива?”. Б.К. Буль ответил в своём стиле: “Да — да — да, нет — нет — нет, я не буду возражать”. Обрадованные собравшиеся разделили содержимое бутылки между собой и с необыкновенным удовольствием выпили его. Только они это сделали, как из сауны вышел последний турист и стал искать причитающуюся ему бутылку с пивом.

Ошеломленные присутствующие обратились к Б.К. Булю: “Болеслав Каземирович! А где Ваша бутылка с пивом? Вы выпили пиво?”. Ответ Б.К. Буля подверг их в уныние: “Да - да, я выпил пиво, еще до захода в сауну”. Все стали насаждать на Болеслава Каземировича, требуя дать ответ, почему же он разрешил выпить оставшуюся бутылку с пивом. Б.К. Буль спокойно ответил: “Вы спросили меня, не буду ли я возражать. Я не возражал. Если бы Вы спросили меня, выпил ли я своё пиво, я бы Вам ответил, что да”.

Б.К. Буль, как и В.М. Полесов — известный герой из романа И. Ильфа и Е. Перова “12 стульев”, постоянно был, снедаем жаждой деятельности. Того же он требовал и от всех остальных. Ему всегда хотелось увидеть результат, и желательно как можно быстрее. Он постоянно торопил всех остальных. Однажды, увидев как его инженер готовит чертеж к калькированию, чтобы потом отсинить чертеж и размножить, заметил: “Анатолий! Ты зачем так долго штрихуешь каждую деталь? Ты проводи на нужных деталях 2—3 линии, а Люся (имелась в виду Людмила Сергеевна Федорова — секретарша и калькировщица кафедры) сама все поймет и продолжит необходимую штриховку до конца. За это время ты подготовишь еще один или даже два рисунка”». Анатолий Сергеевич Умеренков, а именно к нему обращался Болеслав Каземирович, послушался его, перестал штриховать и принялся за новый чертеж. Довольный Б.К. Буль пошел дальше по своим делам. Каково же было удивление А.С. Умеренкова, когда через несколько дней он получил рулон синьки с готовыми его чертежами. На каждом из них Люсей было проведено именно по 2—3 штриховых линии, столько, сколько провел по совету Б.К. Буля Анатолий.

А.С. Умеренков долго возмущался и бранил Б.К. Буля за его совет, так как вместо дорисовывания одного чертежа ему теперь пришлось доштриховывать все детали на шести чертежах. На доработку ушло во много раз больше времени.

Болеслав Каземирович при своих встречах со своими сотрудниками и аспирантами очень не любил, если ему говорили, что это черновой вариант рисунка или графика, что к моменту сдачи

рукописи или отчёта всё будет переделано, всё будет доведено до кондиции. Б.К. Буль негодовал, возмущался и говорил: “Зачем тратить время? Почему Вы сразу не делаете хороший рисунок. На него уйдет немного больше времени, чем на изображение черновика. Сделал хороший рисунок — и в папку. Его можно при желании скопировать, размножить и представить в статью или в отчёт”.

Болеслав Каземирович постоянно задавал темп в исследованиях и в работе. Ему всегда хотелось, чтобы дела в группе шли ещё быстрее. Бывали случаи, и очень часто, когда мы явно не успевали закончить работу и представить отчёт, но и в этих случаях он своих подопечных постоянно подгонял и торопил. Однажды в институте было принято решение, что тем, кто задолго до установленного срока закончит работу и отчитается перед заказчиками, будет выплачена премия, Б.К. Буль пришёл и доложил об этом в своей группе, спросив при этом: “Ну, как? Берёмся?”. Не зная даже от возможных размерах премии, все хором ответили: “Берёмся”. После этого Болеслав Каземирович добавил: “Ну, тогда мы должны завершить и официально зарегистрировать сдачу отчёта о проделанной работе до 4 июня”. Беседа происходила в начале мая. Все были крайне удивлены, поняв, что сами затянули петлю у себя на шее, ибо первоначально установленный срок сдачи отчета значился, как 20 ноября, т.е. срок окончания работы сокращался, как минимум, на 4 ... 5 месяцев.

Отступать было некуда. Все интенсивно взялись за работу, засучив рукава. Все понимали сложность положения и работали в поте лица. Это коснулось и основных исполнителей, а также, не в меньшей степени, машинисток, и калькировщиц. Было видно, что все крутятся, как белка в колесе. Тем не менее, Б.К. Буль просил убыстрить процесс, постоянно произнося: “Неужели вы не хотите получить премию, 50 или даже 30 рублей?”. Нужно заметить, что у Болеслава Каземировича была странная привычка, которая нередко ставила в тупик студентов. Он, в отличие от большинства людей, вначале произносил большее число, а потом, с едва уловимой паузой, меньшее число. На его лекциях можно было услышать: “Установка внешнего магнитопровода позволяет увеличить чувствительность реле в 3 или даже..., — тут Болеслав Каземирович делал паузу, и нетерпеливые студенты самостоятельно дописывали: “в 5 раз”, после чего он продолжал: “в полтора раза”.

Стимуляция сотрудников группы премией в размере “50 или даже 30 руб.” возымела успех. Группа успела всё завершить и зарегистрировать отчёт вечером 3 июня. Читатели, возможно, заинтригованы и жаждут узнать какую же премию получили сотрудники группы. Премия каждому составляла 25 руб.

Хотелось отметить непрактичность Б.К. Буля в повседневных, бытовых вопросах, но это ему не мешало жить, хотя вызывало недоумение и улыбку окружающих.

В середине июня 1975 года Болеслав Каземирович должен был поехать в Смоленск, для работы в качестве председателя ГЭК по электрическим аппаратам в Смоленском филиале МЭИ. Зайдя как-то в группу, он сообщил, что на несколько дней уезжает в Смоленск, а сейчас собирается поехать на вокзал и купить там билет на поезд. Кто-то подсказал ему, что не обязательно ехать на вокзал, можно заказать билет по телефону. Билет будет доставлен домой или на работу в любое удобное время. Б.К. Буль был удивлен таким сервисом. Он тут же начал набирать номер на вокзал. Было летнее время многие заказывали билеты, чтобы поехать куда-нибудь во время отпуска, поэтому в трубке у Болеслава Каземировича периодически раздавался приятный женский голос: “Ждите ответа”. На что каждый раз он говорил “Жду-жду, девушка. Вы не волнуйтесь и не отвлекайтесь от своих дел, я подожду”.

После 3 или 4 раз подобных высказываний аспирант Б.К. Буля А.С. Умеренков сказал: “Болеслав Каземирович! А зачем вы что-то говорите? Вы же разговариваете с автоматом”. Но Б.К. Буль возразил: “Как с автоматом? Я разговариваю с девушкой, она меня просит подождать, и я ей отвечаю, чтобы она особо не торопилась, так как я никуда не спешу”. Пока они пререговаривались, наступил черед Б.К. Буля и какая-то резвая сотрудница начала принимать заказ у Болеслава Каземировича. Она поинтересовалась его данными, когда он собирается ехать, не хочет ли он сразу заказать и обратный билет и т.п. После всех этих процедур она пожелала Б.К. Булю счастливого пути, и телефон отключился.

Тут Болеслав Каземирович, повернувшись к А.С. Умеренкову сказал: “Анатолий! Почему ты меня прерывал и утверждал, что я говорю с автоматом? Ты же видишь, что я поговорил с весьма любезной девушкой и удачно заказал билеты туда и обратно”. Наши слова, что он всё же первую часть провёл в беседе с автоматом на него никак не повлияли. Он не изменил своего мнения.

Практически один и тот же возраст, один и тот же статус сотрудников группы, умелое, незаметное, ненавязчивое руководство со стороны Б.К. Буля укрепили группу, сплотили её. Внутри группы не было никаких секретов. Все активно и открыто обсуждали успехи и промахи друг друга. Все хорошо знали чем занимается каждый и каких успехов он достиг.

В группе действовали технические семинары, на которые выносились труднопонижаемые вопросы или вопросы, которые интересовали большинство сотрудников группы. К таким вопросам, например, относился вопрос о направлении действия электромагнитных сил, вызванных потоками рассеяния и выпучивания.

Сначала эти вопросы были вынесены на дискуссию среди аспирантов группы. Ни о каком единстве мнений не пришлось говорить, спорили до хрипоты. Тогда решили привлечь к спору Б.К. Буля. Но и в его присутствии не удалось прийти к общему знаменателю. Видимо основные положения “Электромагнетизма” нами понимались по-разному. Голоса разделились поровну.

По предложению кого-то из группы, возможно, самого Болеслава Каземировича, решили на очередной семинар в качестве третейского судьи пригласить проф. док. техн. наук Евгения Львовича Львова. Он долгое время занимался природой электромагнитных сил, был выпускником кафедры, когда-то учился у Б.К. Буля, был всесторонне развит, много лет проработал на кафедре, многие были когда-то его студентами. Короче говоря, он был для всех нас вполне законным авторитетом. Все знали, что он остр на языке, но всегда соблюдает определенные рамки. К моменту приглашения на семинар Евгений Львович работал на кафедре автоматики. Он охотно откликнулся на предложение поучаствовать на семинаре по электромагнитным силам, заявив, что это его первая любовь и он не может её забыть.

Споры были долгими, дело продвигалось очень медленно. пришлось затронуть ряд смежных вопросов, коснуться возможностей и особенностей определения направления электромагнитных сил по каждому из известных методов. В разгаре спора Б.К. Буль заявил, что вопрос о направлении электромагнитных сил, действующих в рассматриваемых группой конструкциях, очень сложен.

Далее он добавил, видимо ища поддержки у Е.Л. Львова, что неплохие результаты дает использование метода В.Ф. Миткевича, согласно которому необходимо рассмотреть трубки потока. Далее Болеслав Каземирович выразился так: “Если трубки хотят сжаться, то электромагнитные силы на концах этих трубок будут направлены навстречу друг другу”. Услышав это, Е.Л. Львов резко востепенел и произнес: “Болеслав Каземирович! Так мы далеко зайдем, если будут следовать за желанием трубки: трубка хочет есть, трубка хочет спать”. Этим самым от отсёк механистический подход к действительно очень сложному вопросу. Б.К. Буль не обиделся на замечание своего бывшего ученика, и на последующие семинары вновь нередко приглашался Е.Л. Львов. Совместные встречи и обсуждения непростых вопросов способствовали сплочению членов группы и повышению её потенциала.

Очень многие из первых учеников Болеслава Каземировича впоследствии оказались связанными с авиацией и космосом, видимо сказалось время: Великая отечественная война и необходимость освоения космоса. Первые преподаватели образованной во время войны новой кафедры “Электрооборудование самолетов, автомобилей и тракторов” были учениками Болеслава Каземировича.

Б.К. Буль очень гордился, что среди его учеников были видные отечественные ученые и производственники: акад. Б.Н. Петров, возглавлявший советскую программу «Интеркосмос» до самой своей кончины в 1980 году (курсовой проект, выполненный в 1939 г. Б.Н. Петровым, Б.К. Буль хранил до самых последних дней); акад. Б.Е. Черток — заместитель генерального конструктора, создателя первого спутника Земли акад. С.П. Королева и др.

Возможно, это покажется какой-то мистикой, но факт: Болеслав Каземирович сам не курил и все его аспиранты тоже. Он специально не выбирал некурящих аспирантов, но к нему попадали почему-то все некурящие. Он вообще отрицательно относился к курению, а особенно к курящим женщинам. Б.К. Буль очень рано овдовел. Некоторые из его знакомых проявили чуткость, окружили заботой и решили познакомить его с женщинами, одна из которых, по их мнению, могла бы стать его второй женой.

Вот как он рассказывал об одной из таких встреч. На каком торжестве, празднике или дне рождения его посадили рядом с очень миловидной женщиной средних лет. Все было хорошо, завязалась приятная беседа, присутствующие провозглашали тост за тостом, вино лилось рекой (сам Б.К. Буль, как всегда, почти не пил). После некоторой выпитой рюмки все закурили. Закурила и его новая знакомая. “Как только я увидел это, — продолжал Болеслав Каземирович, — я тотчас покинул компанию и ушел домой”.

Оказавшись вдовцом, Б.К. Буль разработал популярной 40 ... 30 лет тому назад салат “Бодрость” из 32 компонентов. На вопрос: “Почему столько компонентов, причём очень труднодоступных?”, — он отвечал “В салат нужно включать всего таблицу элементов Д.И. Менделеева, а организм сам выберет что ему необходимо”. Кроме салата “Бодрость”, Болеслав Каземирович разработал теорию маленьких бутербродов. Он рекомендовал в день съедать 10 ... 15 разнообразных бутербродов, размеры которых во всех трех измерениях не превосходят размеров чайной ложки. Что больше сказалось: салат или бутерброды, но Б.К. Буль был действительно всегда бодр и прекрасно, очень молодо выглядел.

По своей натуре он не любил властвовать, не любил занимать какие-то официальные посты и должности, а поэтому в 1974 году он снял с себя полномочия заведующего кафедрой. Его сменил И.С. Таев, который был на 15 лет моложе Б.К. Буля. Выглядел же он лет на 15 старше Болеслава Каземировича. В связи с этим к нам многие обращались с вопросом: “Почему вы молодого зав. кафедрой заменили на старого?”. Мы отвечали, что нужно кушать салат “Бодрость” и тогда вы будете вечно молодыми, как Б.К. Буль. По этому поводу он очень любил шутить: “Любой человек до 115 лет — молодой человек”. Среди других его шуток были и такие: “Терпение и труд все перетрут. даже здоровье” и “В семье не без героя”. Он вообще очень любил шутить. Шутил тонко, мягко, умело, безобидно. Помнится, что в студенческие годы при выполнении курсового проекта мне подлежало найти изменение магнитной проводимости датчика при изменении положения его якоря. Я решил воспользоваться методом построения картин магнитного поля. Болеслав Каземирович посмотрел мои материалы и активно подбодрил меня: “Молодец! Все хорошо, ты полностью освоил методику построения картин поля. Иди и продолжай дальше”. Когда я подошел к двери, он мягко заметил: “Только имей в виду, что для цилиндрических магнитных систем мы пока не умеем строить картины поля”.

В тех случаях, когда его спрашивали как он так ловко и быстро изображает картины поля, он отвечал: “Всё дело в тренировке; советую всем набить руку. Вот мои дети, Олег и Наташа, уже великолепно этим владеют. А почему? Да очень просто. С самого детства я приучал их к этому. Я обычно на графиках отмечал лишь точки, а они их соединяли и получали нужные графики. Теперь они достигли совершенства и от руки, без циркуля и лекал проводят четкие, ровные и красивые линии. Это им пригодится в жизни”.

Возможно, Б.К. Булю оставаться и выглядеть молодым помогали не только разработанные им бутерброды и салат “Бодрость”, но и его жизнелюбие и увлечение спортом. Второго марта 1972 г. большая часть его учеников во главе с самим шефом провела день здоровья в парке «Измайлово». Болеслав Каземирович пришёл с ракетками для игры в бадминтон и предложил размяться. Решили играть на вылет, по олимпийской системе. Каждый из нас полагал, что Б.К. Буля мы обыграем быстро, а потом между собой выявим сильнейшего. Однако это оказалось не так-то просто: Болеслав Каземирович не собирался сдаваться и одного за другим выбивал из дальнейшей игры. Никто не собирался и ему уступать, никто не играл в поддавки, щадя возраст и самолюбие шефа. Каждый последующий шёл на бой с возрастающим желанием победить и взять реванш за всех выбывших, однако это никому не удалось. Все ученики были в мыле, а шеф интересовался: “Ну, кто же следующий?”. После игры в бадминтон многие толкались, дурачились, играли в “муху” и т.п. А.С. Умеренков, аспирант Б.К. Буля и основной фотохроникёр группы, сумел запечатлеть некоторые эпизоды нашего отдыха. На фото изображены: канд. техн. наук В.Н. Шоффа, аспирант А.А. Чингишев, ассистент В.А. Азанов, аспирант Ю.С. Коробков, проф. Б.К. Буль, аспирант Б.М. Рассадин, зав. лабораторией Д.Я. Резников, инженер В.К. Шибанов.

Болеслав Каземирович всю жизнь занимался вопросами исследования и разработки низковольтных электромеханических аппаратов. Когда ему на заседании кафедры предложили в связи с болезнью проф. Г.В. Буткевича прочесть курс высоковольтных аппаратов, он вполне серьезно ответил: “Да я скорей повешусь на первом столбе уличного освещения”.

Заканчивая описание ярких страниц и эпизодов из жизни Б.К. Буля, можно сказать, что он был весьма многогранен. Он играл на гармошке и на рояле, хорошо рисовал, много сделал для развития различных аспектов теории электромеханических аппаратов, воспитал большую группу своих учеников и последователей. По своему характеру и взглядам его можно сравнить с очень хорошим огранщиком алмазов, а не с изыскателем кимберлитовых трубок и добытчиком алмазов. Он всегда и всюду поддерживал молодежь. У него был девиз: “Людям нужно помогать”. При всём при этом он оставался весьма требовательным к себе и окружающим. В своих беседах, а особенно на защите диссертаций, он часто задавал вопрос: “Учитывали ли вы потоки

рассеяния и выпучивания, а если да, то каким образом”, — ставя иногда оппонента в затруднительное положение. он тут же сам начинал помогать отвечающему.

**Группа работников кафедры электрических аппаратов на Дне Здоровья (слева направо):
В.Н. Шоффа, А.А. Ченгишев, А.А. Азанов, Ю.С. Коробков, Б.К. Буль, Б.М. Рассадин, Д.Я. Резников,
В.К. Шибанов**

**Игры группы Б.К. Буля (слева направо):
В.К. Шибанов, А.А. Чингишев, Ю.С. Коробков, В.А. Азанов, В.Н. Шоффа**

Следующее фото интересно тем, что на нём запечатлён наш фотограф аспирант А.С. Умеренков. Кто-то (скорее всего Д.Я. Резников) случайно взял его фотоаппарат и заснял нас.

Группа Б.К. Буля (слева направо):

**А.С. Умеренков, В.К. Шибанов, В.Н. Шоффа, Ю.С. Коробков, Б.К. Буль,
Л.С. Фёдорова, А.А. Ченгишев, А.А. Азанов**

Приведенные снимки являются весьма редкими и уникальными: многие фигуранты на них навсегда покинули нас, например, калькировщица и секретарша кафедры Л.С. Фёдорова, инж. Д.Я. Резников, доц. А.А. Азанов, проф. Б.К. Буль.

В ограниченный объем естественно, не всё вошло, что хотелось бы сказать о Б.К. Буле не все вспомнилось. Другие аспиранты и ученики могли бы что-то добавить, вспомнить нечто иное, что позволило бы представить образ Болеслава Каземировича более выпукло и полно. Многие из нас ценили стиль руководства Б.К. Буля, который лишь намечал общие контуры выполняемой нами работы, не досаждая и не докучая мелочной опекой.

По меткому выражению одного из его аспирантов: “Болеслав Каземирович безжалостно бросает своих учеников в кипящее море во время бури и шторма, в самую пучину волн, вынырнувшему он лишь указывает куда предпочтительнее плыть, а если аспирант всё же начинает тонуть, он, хотя бы соломинку да бросит”.

Не всем нравился такой подход, не все его аспиранты благополучно дошли до конца, не все защитили диссертации. Некоторые бросили занятия в аспирантуре, некоторые сошли с ума от перенапряжения и постоянной гонки, но все до сих пор помнят Б.К. Буля. Мы были молоды, всё казалось простым и ясным, над многим мы смеялись и шутили, у всех было радостное настроение, на душе было спокойно и весело. Жизнь была великолепна.

Прошло много времени, многое изменилось, остались лишь воспоминания и самое светлое из них – о нашем шефе Болеславе Каземировиче Буле.

Он никогда никому и ничему не завидовал, не кичился своими достижениями, не был похож на надутую индюку, что иногда наблюдается у некоторых людей, даже при меньших успехах, которые вдруг становятся снобами, к которым не хочется даже подходить и общаться. Болеслав Каземирович был прост, общителен, доступен для всех. Он был очень непосредственен. Ему не нужно было ловчить, юлить, хитрить, изворачиваться, делать серьёзное и умное выражение лица; если он был с кем-то не согласен, то открыто говорил об этом, не таил обид, а потому он никогда не конфликтовал, специально не подставлял окружающих, не злорадствовал, не действовал исподтишка, не наносил удары в спину. С ним всегда было очень легко и просто.

Светлый образ Болеслава Каземировича Буля навечно останется в нашей памяти.

Вечная память Болеславу Каземировичу!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Юрий Сергеевич Коробков

Когда около пяти лет тому назад, Издательство МЭИ в лице заведующей редакционно-издательского отдела Издательства МЭИ канд. техн. наук Л.Т. Васильевой обратилось ко мне с предложением написать свои воспоминания о Болеславе Каземировиче Буле, я, глубоко осознавая, что изложенное будет отражением моих личных ощущений, моих впечатлений и представлений, решил озаглавить статью “Не только о себе”.

По заданию первоначально статья должна была иметь объём 1,5 п.л. Потом было разрешено писать без ограничения объёма. Когда же оказалось, что даже незаконченный вариант превосходит 2 п.л., было решено остановиться на 1,5 п.л. Статья была отредактирована Э.К. Биленко и Л.Т. Васильевой, признана отвечающей поставленным задачам и отправлена в портфель подготовленных работ. По каким-то причинам издание задержалось.

За истекший период бывший декан радиотехнического факультета А.Л. Зиновьев подготовил монографию-мемуары, которую озаглавил “**Не только о себе ...**” (Зиновьев А.Л. М.: Издательство МЭИ, 2005.).

Несколько поразмыслив, я решил назвать свои воспоминания “**Не столько о себе**”

Перечитав ещё раз всё написанное, я, не мудрствуя лукаво, решил свои воспоминания просто назвать

“БОЛЕСЛАВ КАЗЕМИРОВИЧ БУЛЬ”.

Сотрудники информационной системы iElectro, узнав о наличии уже готовой статьи, предложили срочно издать её в электронном виде, охотно взялись за её доводку и компоновку. Статья подверглась очередному редактированию со стороны главного редактора системы канд. техн. наук доц. Е.Г. Акимова и небольшой переделке.

Автор счёл возможным и необходимым иметь пока, хотя бы электронное издание статьи.

При готовности Издательского Дома МЭИ принять и издать статью она тотчас будет передана туда для издания в печатном варианте.

Ю.С. Коробков.

9 ноября 2007 года